



С.С. Кутателадзе

## Престиж и бессмертие

С.С. Кутателадзе\*

Свежие лица в Минобрнауке и уже известные лица из новой общественной организации РАСН – Российской ассоциации содействия науки – щедро делятся с общественностью своими суждениями об образовании и науке в России. Суждений у них много, случаются и расхождения во мнениях, но в одном они сходятся: престиж отечественной науки упал, и надо его поднимать. С этой целью одни предлагают вузам бороться за вхождение в первую сотню какого-то рейтинга, а вторые – поощрять ученых, печатающихся в журналах с высоким импакт-фактором. Нет расхождений в том, что библиометрические показатели должны стать главными критериями оценки эффективности как отдельных ученых, так и научных и педагогических коллективов. Такие идеи, что кажется несколько парадоксальным, довольно популярны и у молодежи, которая в целом не слишком позитивно относится к любым инициативам сверху и суждениям новых собраний прежних лиц.

В науке распространен прием проверки гипотез рассмотрением крайних теоретически возможных случаев. Попробуем им воспользоваться. Предположим, что некий российский ученый выполнит пожелания Минобрнауки и РАСН и станет писать все собственные сочинения на прекрасном английском языке и публиковать их в журналах с высшим импакт-фактором. Где будет работать такой ученый? На каком языке он начнет писать свои монографии, учебники для вузов и школ, научно-популярные статьи? В какой стране он станет жить? Будут ли принадлежать русской культуре его достижения, написанные только на английском языке? Что приобретет наука в России от роста индексов цитирования этого ученого? Поднимутся ли при этом импакт-факторы научных журналов на русском языке? Улучшится ли от этого образование в школах и вузах России? Если русские историки, филологи и искусствоведы станут писать на английском

языке, будет ли это способствовать росту культуры в России? Станут ли более доступными знания в России, если научные журналы в России будут выходить на английском языке? Возрастет ли при этом информационная безопасность России?

Ответы достаточно очевидны: если ученые России будут писать свои статьи на английском языке и печатать их в журналах с высоким импакт-фактором, то есть не в России и не на русском языке, престиж этих конкретных ученых вырастет. У них откроются новые возможности, но их творческие достижения, а по опыту видно, что и они сами, выйдут за пределы русской культуры. Отставание России от мировой науки только увеличится.

Проповедники благоглупостей, связанных со сворачиванием русского языка в сфере науки, часто оказываются и в стане сторонников клерикализации образования, певцами религиозной духовности и адептами благотворной роли теологии в обучении. Статьи православных теологов также следует писать на английском языке? В каких высокорейтинговых журналах их следует публиковать? Нужно ли поощрять занятия по основам православной культуры на английском языке? Ответы также большого труда не составляют.

«Наука не имеет границ, английский язык – латынь наших дней, стыдно пропагандировать изоляционизм отечественной науки от мировых тенденций, нельзя не видеть благородную роль духовности и моральных исканий теологии, нельзя отказываться от объективных оценок труда педагога или ученого, предоставляемых импакт-факторами, числом цитирований и индексом Хирша». Это лишь малая толика аргументов, которые несутся со всех сторон от профессиональных и не очень реформаторов и пропагандистов по должности. И, наконец, убийственные вопросы, которые задают тогда, когда сказать по

\* Кутателадзе С.С. — д. ф.-м. н., профессор Института математики им. С.Л. Соболева (г. Новосибирск).

существу уже нечего: «А что Вы предлагаете? Что делать?».

Типичный ученый не реформатор, не чиновник и не пропагандист. Ученый служит науке, а не политике. Он не обязан ничего предлагать за пределами своей компетенции. Но у него есть право и обязанность самому определять свои суждения о целях жизни, иметь собственное мнение о правах и обязанностях профессионала и гражданина. Необходимый признак ума – критичность, а вовсе не предприимчивость и многознайство. Бритва Оккама – важнейшая технология научного поиска – выдвигает на первый план вопрос: «Что делать не надо?».

Наука в широком смысле – это и образование и просвещение. Наука – главный механизм сохранения человечества как популяции. Наука не имеет границ только как система знаний и представлений. Как система сохранения и воспроизводства знаний – наука национальна. Наука в России – главный механизм бессмертия народов России. Есть два бесспорных факта: Россия отстает от мировой науки, и российская культура неразрывно связана с русским языком. Наука в России – это наука на русском языке. В истории России случались периоды рывков вперед в сфере науки, так что опыт предков у нас кое-какой имеется.

Латинский язык играл роль важнейшую коммуникативную роль в европейской науке в эпоху просвещения не потому, что он наиболее приспособлен к передаче научной информации, а по естественно-историческим причинам. Главная из них в том, что латынь была языком католической церкви. Роль латинского языка стремительно уменьшалась с укреплением национальных государств, национальных религиозных институтов и ростом грамотности населения. В наше время английский язык доминирует в сфере научных публикаций не потому, что он наиболее приспособлен для информационных потоков науки. Английский язык занимает привилегированное положение во многом по тем же экономическим и политическим причинам, по которым доллар является мировой резервной валютой. Исторический опыт не дает никаких оснований считать, что такое положение английского языка сохранится навсегда.

Разнообразие культурных традиций и языков разных народов – не обременение, а сокровище. Язык и письменность – механизмы передачи исторического опыта и ментальности народов. Совсем не исключено, что иероглифическое письмо будет в недалеком будущем доминировать в науке, поскольку все большее число носителей иероглифической культуры в популяции *homo sapiens* вовлекается в сферу науки и технологии.

Подлинно российская наука возникла усилиями Ломоносова, автора первой нормативной грамматики русского языка. Расцвет науки в советские времена был основан на русском языке и на колоссальных послевоенных программах по переводу на русский язык, анализу и переработке иностранной литературы. В этом ряду как проект ВИНТИ, равновеликий полету Гагарина и созданию Академгородка в Сибири, так и издательства «Мир» и «Прогресс», журнал «Иностранная литература», еженедельник «За рубежом» и т. п. Все это практически угроблено так же, как самолетостроение и космонавтика под лозунгом приближения России к мировым стандартам. Язык и наука – вещи взаимосвязанные. В середине 1960-х годов американцы, увидев отставание в ряде разделов науки от СССР, развернули грандиозную программу переводов русских журналов и книг на английский язык. Новые журналы Академии наук вносились в индекс Гарфильда бесплатно и немедленно. Так это было. Нужно помнить, что библиометрия ничего не говорит о содержании работ, а только об их актуальности. Актуальность – вещь того же порядка, что престиж и мода. Она имеет пренебрежимое значение в науке как системе знаний и важна для науки как социального института – на актуальное и модное невежды дают больше денег.

Понятно, что многие молодые люди в науке лучше стариков владеют английским языком и устали от хитроумных и от туповатых начальственных бюрократов. Они видят в индексе Хирша эффективный способ противодействия ретроградкам. Это оружие временное, но обоюдоострое. Совсем не трудно поднять импакт-факторы и индекс Хирша административным ресурсом, ни на йоту не приблизившись к мировому уровню. Бюрократов и околоученых – имитаторов от науки – надо бить диссертациями – это метод Ломоносова, верный во все времена и способствующий делу и науке. Нефертильные гибриды инновации и деградации, клерикализации и европеизации, ювенилизации и коррупции – вещи не сегодняшнего дня. Это давно и надолго. Ориентироваться на импакт-факторы и публикации на английском языке значит подыгрывать бюрократам и разрушать науку в России, лишая народы России будущего. Пора ученым всех возрастов призадуматься – стоит ли дудеть в одну дуду престижа с околонучными чиновниками.

Престиж – форма доминирования и неравенства, а потому ценность мнимая. Человек достоин быть членом бессмертной популяции свободных, равноправных и разнообразных людей. Цель науки – бессмертие человечества. Цель ученых России – вечное благоденствие народов России.